

А. С. Г Р И Б О Е Д О В

ЕГО ЖИЗНЬ и ГИБЕЛЬ

В МЕМУАРАХ СОВРЕМЕННОКОВ

Редакция и примечания Зин. ДАВЫДОВА

Издательство «КРАСНАЯ ГАЗЕТА». Ленинград. 1929

СМЕРТЬ ГРИБОЕДОВА

Постараюсь, в этих немногих строках, передать те сведения, насколько они сохранились в моей памяти, которые я почерпнул из личных расспросов во время моего пребывания в Персии о смерти Грибоедова в Тегеране 30 января 1829 года.

Не стану здесь разбирать всех причин непопулярности Грибоедова как русского посланника при шахском дворе, приведшей к роковой катастрофе; ограничусь тем, что главная причина состояла в неудовольствии шаха и его сановников против Александра Сергеевича за настойчивость, с которой он требовал выдачи наших русских пленных, укрываемых в гаремах персидских вельмож и во дворце самого шаха, равно как и за открытое покровительство, которое он оказывал тем русским подданным, которые прибегали к его защите.

Наконец, враждебно расположенные к Грибоедову люди подстрекнули народ осадить дом посольства и силою вырвать из наших рук укрывающихся в стенах его русских пришельцев. Когда толпа теснилась около ворот, дерзко требуя выдачи дезертиров своих, как она выражалась, один из конвойных казаков, защищая вход во двор, выстрелом из пистолета убил, как говорят, персиянина. Ожесточенный народ поднял и отнес бездыханный труп на шахский май дан (или дворцовую площадь), куда собралось многочисленное духовенство, разжигая страсти черни на мщение за пролитую мусульманскую кровь.

От слов перешло скоро к делу.

Народ снова явился еще в большем количестве к дому посланника. Тогда Грибоедов и остальные чиновники миссии, видя, что дело плохо, приготовились к осаде и заделали все окна и двери; вооруженные и в полной форме, они решились защищаться до последней капли крови. Должно заметить, что близ самого дома русского посольства помещались заложники персидского правительства, бахтиарцы, племени лур, одного из самых буйных и диких племен, населяющих гористые местности к югу и западу от Исфагана. Для них этот случай представлял завидную поживу. Как кошки, они перелезли через стены и забрались на плоскую (как всегда в Персии) крышу, просверлили широкие отверстия в потолке и начали стрелять в наших сверху вниз.

Между тем, толпа ворвалась в ворота и, положив наповал всех казаков, вломилась в дверь. Говорят, что Грибоедов одним из первых был убит пулей из ружья бахтиарца; второй секретарь миссии Аделунг и, в особенности, молодой доктор (имя которого, к сожалению, ускользает из моей памяти¹⁵⁶) дрались как львы; но бой был слишком неравен, и вскоре все пространство представило взору одну массу убитых, изрубленных, обезглавленных трупов. Александра Сергеевича, вероятно, отличили по его мундиру и внешним украшениям, потому что разъяренная толпа, упившись кровью несчастных русских, повлекла труп нашего посланника по улицам и базарам города, с дикими криками торжества*.

Когда все было окончено и наступила мертвая тишина, явилась на сцену городская стража и военный отряд, присланные, будто бы, по повелению шаха, для усмирения народа. Это была горькая ирония, вслед за ужасной трагедией. Узнав, что труп находится в руках черни, шах

* В мое время еще красовался один персидский серхенг (полковник) в воротнике и в обшлагах, черных бархатных с густым серебряным шитьем, снятых, должно быть, с мундира Грибоедова.

приказал отобрать его и уведомить первого секретаря Мальцова, — который один из русских спасся каким-то чудом, потому что жил не в посольском доме, а на квартире мехмандаря (г.-е., персидского сановника, прикомандированного к миссии), — что блюстители порядка успели вырвать тело российского посланника из рук разъяренной черни и шах желает знать, какое распоряжение сделает Мальцов по этому случаю. Мальцов просил препроводить бранные останки посланника в Тавриз, куда и сам отправился.

Пока эти печальные события происходили в Тегеране, молодая супруга Грибоедова, Нина Александровна, урожденная княжна Чавчавадзе, осталась в Тавризе в полном неведении, ожидая с нетерпением возвращения мужа. Даже когда тревожные известия проникли до Тавриза, никто не решался сообщить о них несчастной женщине, еще в то время беременной. Наконец было поручено одной франц. женке при дворе Наиб-султана г-же де-ла-Мариньер (бывшей лектрисе неаполитанской королевы, младшей сестры Наполеона I), сообщить со всевозможною осторожностью г-же Грибоедовой, что будто бы супруг ее, озабоченный важными делами, не может писать ей, но просит ее выехать в Тифлис, куда и сам за нею немедленно последует ¹⁵⁷. Г-жа Мариньер, исполнив поручение, вызвалась в то же время сопутствовать несчастной. Нина Александровна смиренно покорилась мнимой воле мужа, и с стесненным сердцем выехала из Тавриза, но во время пути сердце предвещало ей нечто недоброе, ее смущало странное и таинственное обращение с нею окружающей прислуги. Добравшись до Эривани, она приступила к своей спутнице, умоляя со слезами вывести ее из тяжелого положения и не скрывать от нее всей правды, приговаривая, что самое тяжелое горе было бы для нее легче переносить, чем мучительную неизвестность. Однако ж, весть об ужасной смерти мужа так сильно потрясла ее, что несчастная одним ударом, лишившись

обожаемого друга, потеряла и драгоценный залог их любви. Безутешная вдова вернулась обратно под кров своих родителей.

Приведенные здесь сведения были мне переданы самой г-жой Мариньер. Я же имел счастье познакомиться впервые с Ниной Александровной в конце 1837 года, в доме графини Симонич, супруги бывшего посланника нашего в Персии, а в 1838 г., на обратном пути из России в Персию, я опять посетил Тифлис, где имел случай короче оценить всю прелесть души этой редкой женщины. Узнав о желании моем взглянуть на могилу покойного ее супруга, Нина Александровна сама вызвалась быть моим путеводителем. По крутым тропинкам вместе мы добрались пешком до вершины горы, на которой стоит обитель св. Давида. Тут, в пещере, высеченной в дикой скале, поставлен ее заботливой рукой памятник, под которым покоится прах высокоталантливого человека. Мы преклонили колена в безмолвии.

Грибоедов при жизни трудился для славы и вполне достиг ее. Но что в моих глазах ставит Грибоедова даже выше всех его литературных заслуг, как бы велики они ни были, это та настойчивость и неустрашимость, с которою он умел поддерживать достоинство русского имени на Востоке. Эти качества повсюду уместны в государственном человеке, но на Западе они могут проявляться без особого опасения; совсем иное на Востоке. Там проявление их часто сопряжено с опасностью жизни и требует особенного мужества и нравственной силы. Таково было положение нашего посланника в Персии. Имея перед собою для руководства статьи Туркменчайского трактата, в силу которых персидское правительство обязывалось выдавать нам беспрекословно, по востребованию нашему, всех русских подданных, взятых в плен не только в продолжение последней войны, но и прежде, когда персияне делали набеги в наши пределы и уводили в рабство наших кавказских жителей, — Александр Сер-

геевич не давал потачки ни сановникам персидского двора, ни мусульманским духовным лицам, ни самому шаху, когда одни или другие старались укрывать и разными уловками не выдавать требуемых нашей миссией русских невольников. Таким образом он восстановил против себя почти всех влиятельных лиц, окружающих двор «центра мира» — коблелем, как величают падишаха Ирана, и только нужна была одна искра, чтобы воспламенить все те горючие вещества, которые окружали нашего посланника.

Из приведенного нами рассказа видно, что выстрел казака, защищавшего доступ в жилище посланника, был той искрой, которую так жадно ожидали убийцы Грибоедова.

Отказать в убежище бедным русским подданным на чужбине, искавшим нашей защиты, было бы крайне непolitично, не говоря уже о беззаконности и бесчеловечности такого поступка; следовательно, это было и невозможно для русского представителя в Персии; выдать же их обратно персиянам, когда они поступили уже под наше покровительство, значило обречь их на верную смерть и, в то же время, покрыть себя вечным позором. Грибоедову не оставалось иного исхода, как отразить силу силою и лечь на месте, защищая святое дело права и человечества. Разбирая роковое событие с этой точки зрения, — а нельзя смотреть на него иначе, — мы приходим к заключению, что заслуги Грибоедова перед лицом всей России истинно велики и достойны всякого уважения; жаль только что они не были достаточно признаны его современниками. Пусть же беспристрастное, но вместе с тем признательное погоство оценит их, как следует.